

Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой¹

Ром ХАРРЕ (Великобритания)

ВВЕДЕНИЕ

По-видимому, с началом XXI в. противоречивая и нестабильная дисциплина «академическая психология» распадается на две абсолютно различных и несравнимых между собой области. Дискурсивная психология концентрируется на использовании значения в мире норм, в то время как нейропсихология — на исследовании процессов в мозге, слабо связанных с интуитивно определяемыми когнитивными процессами. В этой статье я хочу привести доводы в пользу слияния этих двух областей исследования в одну гибридную науку, что приведет к появлению дисциплины намного более мощной, чем все то, что создали психологи к настоящему времени.

Основной принцип дискурсивной психологии определяет орудия познания как символы и как наборы таких символических инструментов. В этом смысле обыденные языки являются наиболее важными объектами для исследования

¹ Подготовка статьи к печати выполнена в рамках проекта РГНФ № 05-03-03247а.

человеческой психики. Гибридная психология основывается на интуиции, согласно которой, несмотря на то, что в качестве инструмента, используемого людьми в процессе их деятельности, мозг может быть учтен в исследовании мира личностей, сами личности не могут быть описаны в качестве части мира нейронов и молекулярных процессов.

РУКОВОДЯЩАЯ РОЛЬ ЯЗЫКА

Несмотря на то, что я указал на многочисленность символических инструментов, которые мы должны учитывать в исследовании когнитивных процессов, язык является наиболее важным и как пример дискурсивного процесса, и как модель для понимания структур, не являющихся чисто лингвистическими. Будет разумно поподробнее рассмотреть ту роль, которую играет язык в качестве средства мышления.

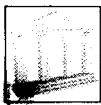
ЯЗЫК И ГРАНИЦЫ МЫСЛИМОГО

Вряд ли кому-либо покажется противоречивым утверждение, что люди используют различные символические системы в качестве инструментов мышления. Однако многие философы и психологи верили, что мысль существует вовне символических форм, в которые она облекается и при помощи которых она выражается. Например, различие между «мыслью» и лингвистическими формами, в которых она репрезентирована, было общепринятым в XVII и XVIII вв. Томас Гоббс утверждал, что существуют последовательности идей и существуют также последовательности слов. При помощи одно-однозначного отображения вторые связаны с первыми.

Слова, соединенные так, что становятся орудиями нашей мысли, называют РЕЧЬЮ, каждая часть которой есть имя [вещи или имени] (Т. Гоббс, Левиафан).

Иногда когнитивный акт, такой как выбор блюда в меню, производится при помощи оперирования с символами других типов, например, образов и ментальных картинок. Иногда символы получают материальное воплощение в компасах и картах.

Несмотря на всю свою огромную значимость, язык не является единственным орудием познания. Вспомним о центральном различии в самой сердцевине когнитивной психологии между вещами, имеющими значение только в себе, и вещами, обладающими особым свойством интенциональности, указывающим на нечто, находящееся вне

них. Дискурсивная психология основывается на принципе, согласно которому, каким бы медиатором они не являлись, например, такой нелингвистической практикой, когда вы рисуете карту для того, чтобы показать путь к вашему дому, они когнитивны только в том смысле, что их можно рассматривать как интенциональные и нормативные. Гость должен воспринимать набросок не просто как сочетание линий на бумаге, но как репрезентацию окружающей ваш дом местности, причем и гость и хозяин дома должны разделять то убеждение, что набросок является точным в пределах поставленной перед ними задачи.

Имена Эдварда Сепира (1949) и Бенджамина Ли Уорфа (1956) часто связывают с тезисом, согласно которому мышление определяется языком. Сепир и Уорф утверждали, что различия, встроенные в грамматику, ограничивают или определяют форму мысли, доступной в данный момент для носителя рассматриваемого языка. Так описанная, гипотеза Сепира-Уорфа кажется похожей на взгляды Витгенштейна, для которого каркасы, в которых мы формулируем мысли, являются ничем иным, как принятыми на веру правилами.

Каждый язык влияет на конкретный тип мышления,
но не определяет его

В последующем обсуждении я буду предполагать, что мое изложение гипотезы Сепира-Уорфа в целом верно.

ЯЗЫК КАК СРЕДА ПУБЛИЧНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ПРИВАТНОГО ОПЫТА

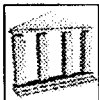
Если мы хотим перенести метод исследования публичного использования языка в область исследования психологических явлений, тогда мы должны обладать соответствующей теорией, описывающей соотношение как публичной языковой практики, так и прочих практик использования символов с обозначаемыми ими приватными практиками и состояниями. Понятие «выражение», которое послужит нам основанием такой теории, имеет то же самое значение, что и в психологии XIX в. (Danziger, 1997). Я покажу, как простое расширение знаменитого аргумента «приватного языка» Витгенштейна открывает возможность для использования общего различия между использованием языка для выражения нашего приватного опыта и использованием языка для описания этого опыта. Это различие послужит для обоснования использования дискурсивного анализа в исследовании и приватных, и публичных когнитивных актов.

Использование языка является не только публичным, как в общении, производящем набор из интересубъективных значений. В их создании субъективный опыт и приватное использование символических систем играют ключевую роль. Как могут философы и психологи изучать различные элементы этого мира? Для понимания взглядов дискурсивных психологов на эту проблему мы должны описать следующее различие, обладающее важнейшим значением в философской психологии позднего Витгенштейна. Это различие между выражением и описанием.

Данное различие является составляющим компонентом знаменитого аргумента «приватного языка» (Wittgenstein, 1953. §§ 240–315), в рамках которого выделяется несколько важных моментов. Основной проблемой, над решением которой работает Витгенштейн, является вопрос о том, как может существовать язык, если способ, которым устанавливается значение слов, является единственно указанием на конкретные примеры, привлекающие внимание обучаемого языку к образцам того, для обозначения чего используется слово. Этот способ кажется оправданным, когда обучают значению слов, обозначающих крупные публичные объекты, такие как дворцы или слоны. Но будет ли работать такая методика, когда примером является нечто исключительно приватное, такое как индивидуальные чувствования? Если можно обучиться языку при помощи указания на такие чувствования, тогда чисто приватный язык возможен. Однако, если примеры являются доступными только в индивидуальном опыте, то они не могут быть использованы для обучения других субъектов употреблению соответствующих слов или даже служить надежным основанием для собственной языковой практики носителя языка. Как же мы можем им обучиться, если выучить их при помощи указания на публичные примеры невозможно?

Он полагает, что процесс создания словаря для индивидуальных чувствований начинается с естественных выражений боли, удовольствия и т.д. В процессе взросления ребенок обучается заменять естественные выражения функционирующими точно таким же образом вокализациями и, в итоге, полными словесными формулировками. Фраза «я так рад» выражает мою радость, а не описывает мое индивидуальное чувство. Естественно, когда я произношу такую фразу, я действительно чувствую то, что выражаю. Но отношение между вербальным актом и чувствованием – это не отношение описания к объекту, который описывается. Если бы было так, то слова и объекты, которые они описывали бы, не зависели бы друг от друга. Но если мои слова выражают мои чувства точно так же, как может их выра-

жать пение или смех, тогда, *ceteris paribus*, они являются частью целого, т.е. комплекса чувствований и поведенческих установок, из которого ни одна часть не может описывать, что такое испытывать радость.

Язык объединяет публичную и частную сферы опыта

ОБЛАСТЬ ПСИХОЛОГИИ

В этом разделе будут описаны две базовые метафоры, на которые может опираться дискурсивное подножие здания когнитивной психологии. Это жизнь как поток и жизнь как нарратив. Также необходимо провести связанное с ними аналитическое различие, позволяющее организовывать человеческую деятельность на различных уровнях так, чтобы оно обогатило наше понимание использования символических орудий. Это различие между «действиями», которые люди производят намеренно, и «актами» – тем что достигается благодаря их действиям.

Поток действия

Люди активно производят потоки мыслей и действий, и публичных, и частных, воплощенных в постоянном движении телесных чувствований. С этой точки зрения восприятие является также разновидностью действия, чего-то, что субъект производит, а не пассивно получает в виде визуальных, слуховых и тактильных стимулов. Слово «поток» в этой теории является базовой метафорой, предполагающей, что человеческая деятельность континуальна. Однако обычно мы нерелексивно самыми разными способами делим этот поток на части. Мы выражаем *верование*, мы утверждаем, что обладаем *воспоминанием*, мы принимаем *решение*, мы впадаем во *вспышку гнева* и т.д. Психологи не могут не использовать эти обыденные подразделения в силу того, что они вынуждены определять предмет своего исследования. Если бы мы не могли отличить вспышку гнева от воспоминания, то не было бы не только психологии, но и той человеческой жизни, какой мы ее знаем.

Жизни как нарративы

Следующая базовая метафора предполагает, что нам следует думать о нашей жизни как о нарративе, разновидности развивающе-

гося рассказа. Метафора жизни как нарратива является одним из самых важных организующих концептов в дискурсивном повороте для многих психологов новой волны, например, Брунера (Bruner), Логборской школы (Edwards и Potter) и многих других.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ АКТОМ И ДЕЙСТВИЕМ

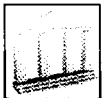
В свете этих пересекающихся метафор можем ли мы найти общий принцип, благодаря которому поток человеческой деятельности может быть расчленен наиболее ясным способом с точки зрения психологии? Принятие различия между актом и действием в качестве способа выявления одной из возможных последовательностей элементарных частей, соответствующих базовым метафорам, кажется естественным. Действия являются тем, что люди совершают интенционально. Акты являются значениями или «действенностью» действий. Основным является действие, которое в подходящих условиях может означать согласие с предложением. В других условиях то же самое действие может означать совершенно иное, возможно, предложение цены на аукционе. Акты не только конституируют нарративы, но конституируются сюжетом, который эти нарративы претворяют в жизнь. В Гефсиманском саду поцелуй означает предательство. В приветствии Папы Римского он означает послушание и уважение.

Разделив поток деятельности на последовательность ее элементов, относящихся к сюжету, претворенному этим потоком в жизнь, необходимо поставить вопрос о том, каким образом эти элементы связаны между собой. В пределах общего каркаса базовых метафор находятся разнообразные вторичные концепты, также имеющие отношение к данной проблеме. Например, следование правилу, такому как проживание сюжета согласно указаниям и т.д. Эти метафоры являются объяснительными, применяются для создания моделей продуктивного процесса, становящегося «видимым» при использовании различия между актом и действием в анализе человеческой жизни.

Подытоживая, можно сказать, что метафора дискурса включает в себя следующие основные тезисы:

- а. Мы производим и публичный, и приватный дискурс.
- б. Мы производим как вербальные, так и невербальные акты.
- в. Публичные и приватные, вербальные и невербальные акты подпадают под одну и ту же общую систему категорий, и аналитически, и с точки зрения объяснения.

Поток действий интерпретируется как нарратив

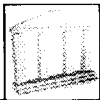
СОЗНАНИЕ КАК ДИСКУРС

Выбор «дискурса» как ведущей метафоры тесно связан с идеей о том, что поток интенциональных действий и является тем самым «веществом сознания». Под это обозначение подпадают все разновидности практик. Некоторые из них являются языковыми, некоторые – нет. Все являются интенциональными, что означает, что все они являются обладающими значением, и все подвержены стандартам правильности, уместности и т.д. Тот вид практики, в котором происходит когнитивная деятельность, будет определять выбор аналитических и объяснительных моделей для проведения исследования.

Согласно «дискурсивной» точке зрения, как она была описана выше, психология является в первую очередь исследованием процессов – потоков человеческих действий и взаимодействий, которые могут быть поняты в терминах своей значимости для действующих и участвующих в интеракциях, норм и традиций, принимаемых в целом этими людьми. Многие из этих потоков действий, каждое из которых нечто означает, будут пониматься как осмысленные только в процессе проживания нарративов, сюжетов, широко известных в данной культуре. Внутри этой общей схемы речевое общение является наиболее удобной, но не единственной моделью для анализа таких потоков действий. Принимая данную исследовательскую программу, ученые склонны считать все, что люди делают коллективно и индивидуально, приватно и публично, некоей разновидностью речевого общения, состоящего из нечто означающих актов обмена, ограниченных локальной системой правил и конвенций. Язык может играть различные роли. Мы используем слова для того, чтобы отдавать приказы, приносить извинения, произносить приглашения, выражать наши надежды и страхи точно так же, как и для описания и объяснения событий в окружающем нас мире.

Рассматриваемое в качестве дискурса сознание обладает одновременно приватным и публичным аспектами

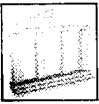
Это ведет напрямую к изучению того, что должны знать люди и какими умениями они должны обладать для того, чтобы быть способными производить требуемые действия. Вдобавок к каждой разновидности коллективного действия должен существовать набор из индивидуальных умений и диспозиций. Одним из самых сложных вопросов, перед которыми стояли психологи, является вопрос о том, какую именно форму принимает это знание. Обладает ли какой-либо

ценностью распространенная метафора «склада знаний»? Где находится знание, когда оно не используется или выражается каким-либо иным образом?

Продолжая метафору «дискурса», мы обнаружим понятие «грамматики» Витгенштейна весьма полезным. Он использует его для описания имплицитных и эксплицитных кластеров правил, в определенных контекстах ограничивающих возможности нашего действия, речи и мышления. Иногда субъект сознательно следует инструкции. Это один смысл слова «правило». Оно может также использоваться в качестве метафоры для случаев, в которых один человек или группа людей производят упорядоченные действия, руководствуясь привычкой, обычаем, соглашением и т.д., т.е. для случаев, когда нет никакого намерения выражать эти правила. Шведер (Shweder, 1991) описал класс подобных формирующих действия принципов как то, что он называет «случайными универсалиями». Он обнаруживает такие принципы в культурах, отличных от чашей, и, конечно, они могут быть обнаружены также и в нашей культуре. Они кажутся именно той разновидностью принципов, которые должны находиться в грамматике Витгенштейна. Шведер поясняет идею «случайных универсалий» на примере некоторых принимаемых на веру жизненных конвенций, существующих в маленьком индейском городке. Невозможно помыслить себе поедание рыбы на похоронах отца или пострижение волос две недели спустя. Люди не более сомневаются в этих «правилах», чем мы в принципе, согласно которому две различные вещи не могут быть в одном и том же месте в одно и то же время. Конечно, некоторые разновидности вещей нарушают это правило! Оно является универсальным для одних разновидностей вещей, но не для других, точно так же, как определенные погребальные обычаи универсальны для одних людей, но не для других.

Конечным шагом в изучении с психологической точки зрения некоторого когнитивного процесса, например, запоминания или классифицирования, будет описание «грамматики» или грамматик, выражающих нормы, очевидно усматриваемые в действиях людей. Существуют и неявная, и эксплицитная грамматика. Полани и Гарфинкель показали: чтобы использовать любую эксплицитную технику, необходимо задействовать набор, состоящий из различного рода неявного знания. Когда такого рода знание формулируется эксплицитно, его использование в качестве эксплицитного руководства для мышления и действий будет опираться на другой набор из неявных знаний. То,

что было эксплицитным в одном контексте, может быть неявным в другом.

ГРАММАТИКИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Современная жизнь в англо-американских странах, понимаемая в терминах дискурса, по-видимому, формируется тремя основными грамматиками.

Персональная или *П-грамматика*, в которой личности (persons) являются базовыми единицами, производящими действия. Она обобщает словарный запас, доставшийся по наследству от группы со словарным запасом, используемым в обыденной жизни. Среди специализированных диалектов этой родовой грамматики можно назвать судебный язык, язык фрейдистской психотерапии и т.д.

Главной отличительной чертой П-грамматик является способ работы с понятием моральной ответственности. Это особенно важно для философии психологии, так как переход от детства к зрелости существа, обладающего врожденными способностями к действию и действующего целесообразно, происходит в измерении (dimension) все растущей ответственности за свои действия. Шейвер² (Shaver, 1985) предложил анализ измерений ответственности работающего в качестве П-грамматики современной англоязычной фолк-психологии. Атрибуция ответственности, по Шейверу, происходит следующим образом.

Суждение, выносимое о моральной ответственности психически здоровой личности, обычно, но не во всех случаях, включает в себя каузальную связь между личностью, о которой выносится суждение, и некоторым осуждаемым с точки зрения морали действием или событием (Shaver, 1985: 66).

Приведенная цитата может быть сопоставлена с вариантом П-грамматики британского судебного кодекса, как она описана Хартом. Он приводит три необходимых условия для подобного рода атрибуций:

Личность понимает, что требуется.

Личность производит обдуманное действие.

Личность подчиняется результату обдуманного действия.

Другой пример использования П-грамматик лежит в области обыденного припоминания чего-либо. Помнят люди, а не их мозги. Сказать «я помню...» значит приписать себе некоторую разновидность

² Я обязан ссылке на Шейвера М.П. Спекмену (M.P. Spackman. 1998).

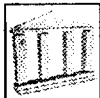
обладания властью, верить себя последствиям того, что я утверждаю о прошлом. Это высказывание описывает меня как личность, а не организм. Игра в теннис является другим примером. Обмен подачами подчиняется конвенциям значения «Подача пропущена?» и процедурным конвенциям «Меняемся местами после четырех игр?». Очки приписываются людям, и именно люди разыгрывают подачи, хорошо либо плохо, за которые они ответственны и т.д.

Молекулярная или М-грамматика, в которой молекулы и кластеры молекул являются базовыми единицами – источниками деятельности. Среди жаргонов, формируемых в согласии с законами М-грамматики, находятся языки физиологии и молекулярной биологии. Дискурс, формируемый в рамках этой грамматики, включает в себя такие атрибуции молекулам способности к деятельности, как (постулируемая) сила мелатонина, позволяющая ему погружать кого-либо в сон при помощи изменения ритмов мозга и вызывать изжогу вследствие излишка желудочной кислоты при помощи раздражения болевых рецепторов. В отличие от П-грамматики, М-грамматика сильно иерархизирована и проявляет эмерджентные свойства на каждом уровне.

Примеры: поедание банана (излюбленный конек лучших игроков в теннис) для уменьшения восплаимости хрящей и т.д.

Организмическая или О-грамматика: современный западный дискурс использует третью грамматику, в рамках которой базовыми и обладающими наибольшими способностями к действию являются организмы. В то время как она обладает естественной областью применения в дискуссиях о животных, она используется и в дискуссиях о человеческих существах. Животные могут производить действия и действуют целесообразно, в то время как молекулы – нет. Однако животные не действуют интенционально в полном смысле слова, а интенциональные действия, за исключением редких случаев, приводят к использованию грамматики моральной ответственности. Обращение в рамках дискурса моральной ответственности к домашним животным является крайне метафоричным. Обращение в рамках такого дискурса к определенным приматам, таким как одомашненные шимпанзе, может быть более осмысленным, расширяющим область морально ответственных агентов. Мы также изредка используем дискурс моральной ответственности в разговоре о новорожденных. Младенцы действуют целесообразно, но не осмысленно.

Не так давно в обыденном употреблении присутствовала четвертая грамматика, *Спиритуальная или С-грамматика*. Основными категориями, присутствовавшими в этой грамматике, были Бог, душа и т.д. Эта грамматика в качестве приемлемого и бесспорного способа формирования мыслей и действий сейчас принадлежит к дискурсу

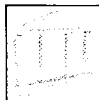
определенных ограниченных племен и регионов, например Юта. Можно однако отметить, что эта терминология до сих пор широко используется в риторических целях, например в речах кандидатов на пост президента Соединенных Штатов.

Мы обладаем широким кластером грамматик, удовлетворяющих стандартам правильного дискурса о человеческих существах, таких как П-, О- и М-грамматики. Каждая из них обладает своими подразновидностями, и при определенных условиях они объединяются в иерархии, в иных же обстоятельствах они дополняют или даже противоречат друг другу.

Эти грамматики включают в себя таксономии, системы классификации для категоризации видов сущностей, составляющих их сферы. Используя П-грамматику должен предполагать, что существуют намеренные действия, обнаруживаемые в человеческой деятельности, и что они могут быть классифицированы по различным подвидам. Используя О-грамматику предполагает, что существуют телесные действия, которые также могут быть классифицированы по типу, и могут быть обнаружены в поведении не только людей, но и в поведении домашних и диких животных. Когда же для описания некоторых аспектов обыденной жизни используется М-грамматика, как в случае, когда человек, страдающий от синдрома «хронической усталости», говорит об органических фосфатах, повредивших иммунную систему, предполагается реальное существование молекулярного обмена в системах органов и иерархическое устройство молекул.

Три грамматики должны также включать в себя принципы последовательности и порядка среди базовых и зависимых от них элементов. В П-грамматиках они включают в себя семантические и синтаксические правила и моральные императивы, используемые для формирования последовательностей осмысленных действий. Благодаря работам этологов мы теперь рассматриваем действия животных телеологически, а именно в терминах наборов действий, направленных на поддержание их жизни. Это будет отражаться в О-грамматике. В М-грамматике последовательности химических явлений понимаются как обусловленные каузальными процессами и описываемые каузальными законами. Только в М-грамматике мы действительно обладаем средствами для каузального объяснения обычного типа, в котором предыдущее состояние системы приводит к настоящему или будущему состоянию.

Когнитивная активность организована согласно трем «грамматикам»: опирающейся на личности (персоны), на организмы и на молекулы

МЕТА-ДИСКУРСЫ ИЛИ «НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ»

Так как научная психология является продуктом когнитивной активности человека, она должна быть применима к себе самой. Науки о человеке, согласно нашей точке зрения, должны включать в себя дискурсы о дискурсах. Если когнитивная активность обыденной жизни имплицитно формируется П-, О- и М-грамматиками, то они являются организующими принципами фолк-психологии, на которые обычные люди опираются в процессе своей жизнедеятельности. Мы можем назвать это «первичными дискурсами». Что же тогда можно сказать о грамматиках, формирующих действия психологов, которые исследуют когнитивную активность обычных людей в рамках их обычной жизни?

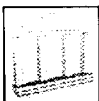
Рассматривая образцы психологического исследования, мы обнаруживаем, в широком смысле, что используются два типа объяснительных понятий:

- а. некоторые явления анализируются как *причинно-следственные пары*;
- б. некоторые явления анализируются как *подчиняющиеся правилам последовательности значений*.

Обычно проблема в психологии идентифицируется при помощи использования понятий значения и правила, управляющих большей частью нашего обыденного словоупотребления, но разрабатываемые на основе этого исследовательские программы обычно формулируются в терминах причинно-следственных понятий. Однако, согласно дискурсивной точке зрения, не существует ментальных причин и следствий (они являются только иллюзией, появляющейся в процессе использования причинных понятий при описании того, что в действительности является дискурсивным явлением). Причинно-следственные понятия пригодны только для описания и объяснения событий и процессов в материальном мире, и должны, как следствие, быть используемы только в дискурсах, использующих О- и М-грамматики. Согласно этому же аргументу использование понятий наподобие значений и правил должно быть ограничено дискурсами, использующими П-грамматику. Москиты, точно так же как и человеческие младенцы, действуют целесообразно, но не интенционально. Кислоты действуют согласно причинно-следственным связям, но не целесообразно и не интенционально.

Если мы говорим о значениях, то не говорим о причинно-следственных связях, а если мы говорим о молекулах, то не говорим о мотивациях.

Мне кажется, что большая часть этого вторичного дискурса определяется той же самой троицей грамматик, а именно П-, О- и М-

грамматиками. Среди разновидностей вторичного дискурса находятся и различные психологические теории во всем их прошлом и нынешнем разнообразии. Некоторые отдают предпочтение П-грамматикам (и как следствие, анализу и объяснениям с точки зрения фолк-психологии), другие – О-грамматикам и переносят акцент на социобиологию и этологию, последние – М-грамматикам и нейропсихологии, объясняя то или иное явление в жизни людей в терминах нейротрансмиттеров и т.п.

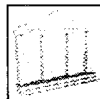
Если подходить с этой точки зрения, то существует возможность для третичной разновидности дискурса, обуславливаемого теми же П-, О- и М-грамматиками, среди которых находится психология психологии. И это не выдумка. Возьмем для примера исследование Поттера и Ветерелла, в котором они изучают психологический характер с дискурсивной точки зрения на дискурс психологов о психологических явлениях, являющихся также дискурсивными по своей природе.

Примером третичного дискурса, использующего все П-, О- и М-грамматики, могут послужить некоторые современные дискуссии о роли Фрейда во фрейдистской психологии, с его пристрастием к кокаину (М) и его интересом к прошлому (П).

Науки о человеке являются дискурсами, определяемыми использованием тех же самых трех грамматик

«ПСИХОФИЗИЧЕСКИЕ» ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ: ТРИ СВЯЗУЮЩИХ ЗВЕНА МЕЖДУ П-, О- И М-ДИСКУРСАМИ

Теперь мы можем перейти к одной из самых старых проблем философии – отношению между духом и телом. Эта проблема происходит из того факта, что мы вынуждены признать истинными два несовместимых тезиса. Ментальные и материальные явления кажутся явлениями, радикально различными по природе. Мысли не обладают весом и над ними не властна сила притяжения. Части тела подвержены действию силы тяготения Земли. В то же время ментальные процессы, такие как решение бросить мяч, как кажется, ведут к материальным процессам: движению руки таким образом, чтобы полет мяча происходил по той траектории, по которой мы намереемся его бросить. Повреждения тела, как кажется, приводят к болевым ощущениям. Молекулы салициловой кислоты, аспирин, кажутся успешно устраняющими боль. И так далее, по всему гигантскому списку способов, которыми ментальные аспекты бытия личности связаны с его материальными аспектами. Ментальные и материальные явления кажутся причинно-следственно связанными друг с другом. Если они радикаль-

но отличаются по своему типу, то как возможно существование причинно-следственных связей?

Проблема кажется неразрешимой. Легко видеть, как философы психологии принимают то или иное крайнее решение проблемы, отрицая различие между ментальными и материальными явлениями, на котором основывается само существование проблемы. Является ли это только дискурсивным явлением – также не есть фундаментальная проблема.

ЗА НОВО ОСМЫСЛЯЯ ПРОБЛЕМУ

Проект создания гибридной науки, в рамках которой способности к использованию символов человека встроены в единую схему с органическими аспектами членов вида *homo sapiens*, требует разрешения психофизической проблемы, тем или иным способом обходя ее в качестве иллюзии, основанной на ошибочной посылке. Способом, на котором основывается возможность унифицированной когнитивной науки, является перенос акцента с сущностей на дискурсы.

Переключив акцент наших исследований с неправильно понимаемой загадки о том, как могут взаимодействовать две полностью различные *субстанции*, и избежав дополнительной ловушки построения науки о человеке на основе только одной или другой из этих мнимых субстанций, мы можем перенести наше внимание на исследование способов, которыми дискурс, ориентированный на личность, дискурс, ориентированный на организм, и дискурс, ориентированный на молекулы, связаны друг с другом. Существует метафора инструмента и его назначения, согласно которой данное назначение определяется в терминах П-дискурса и выполняется инструментами, описываемыми в терминах О- и М-дискурсов. В таком случае существует способ, которым диспозиции и способности, определяемые в П-дискурсе, основаны на структурах, состояниях и процессах, описываемых в терминах О- и М-дискурсов. Третья связующая цепочка возникает благодаря системам классификации, прикладываемым к сущностям, состояниям и процессам, которые могут быть описаны при помощи О- и М-дискурсов, основывающихся на классификации объектов, которые сперва определяются как принадлежащие к типам, определяемым в П-дискурсе.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ИНСТРУМЕНТОМ И ЕГО ЗАДАЧЕЙ

Рассмотрим сперва тот способ, которым мы, человеческие существа, выполняем различные когнитивные задания, такие как проверка

чека в ресторане. Обычно мы считаем карманный калькулятор именно тем устройством, которым производится суммирование. Но он является устройством протезного типа, выполняющим когнитивные задачи, ранее выполнявшиеся нашим мозгом. Следовательно, когда мы выполняем когнитивную задачу, не используя протезного устройства, полностью допустимо применять то же понятие к мозгу или соответствующему его отделу.

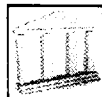
Перед личностями как агентами действия также стоят материальные задачи. И здесь мы используем материальные инструменты. Некоторые из них являются протезными устройствами для иных частей тела, чем неврологические (мозг). Для рытья нам необходимы лопаты. Они являются протезами для рук, которыми даже в нынешние времена мы будем вынуждены рыть, если у нас нет лопат. Куски железа являются «лопатами» только по отношению к той задаче, которую они предназначены выполнять.

Существуют некоторые инструменты, далеко превосходящие своих предков, игравших роль протезов, предназначенные как для когнитивных, так и для материальных задач. Бульдозеры являются в некотором смысле «лопатами», но полностью другого типа, когда стоит задача по переворачиванию земли. То же самое справедливо и в отношении вычислительных машин, когда стоит задача по вычислению или надежному хранению больших объемов информации.

Наконец, существуют когнитивные задачи, например, доказательство при помощи операций с суждениями, для решения которых мы используем когнитивные или символические инструменты. Здесь простая схема – задача (П-грамматическая) / инструмент (М-грамматика) – нуждается в дальнейшей разработке. Произвести утверждение, выражающее суждение, служащее инструментом для решения задачи, означает использовать материальный инструмент, мозг. Здесь мы используем инструмент для создания инструмента. Это также является метафорой, берущей свои истоки в промышленном производстве.

Какими преимуществами обладает метафора задачи / инструмента над выражением О- и М-сущностей и состояний как условий для П-активности?³ Обычно люди не говорят о своем мозге как об инструменте. Однако осмысленность введения этой метафоры обусловлена задачей расширения способности нашего языка к работе с новыми интуициями и ситуациями. Ограничения, казавшиеся ранее непреодолимыми, должны быть исследованы заново. Метафора, согласно которой части тела являются инструментами, кажется вполне подходящей в следующем совете: «Если не сможешь найти совок, чтобы вы-

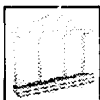
³ Мое понимание метафоры инструмента / задачи значительно улучшилось благодаря дискуссиям с Беннетом Хелмом и Джоном Деєм.

копать лунку для ростка, выкопай ямку рукой». «Мозг в качестве инструмента» является научно инновативным или креативным понятием, происходящим от расширения метафоры «Используй свой...», приглашающей нас посмотреть на наш мозг с другой стороны. Выше был философски обоснован аргумент о протезных устройствах, то же обоснование можно применить и здесь. Так как калькулятор, электронный органайзер и даже карманная записная книжка являются инструментами для выполнения когнитивных задач, несмотря на то, что для их использования уже требуются когнитивные навыки, мы также можем использовать наш мозг в качестве протеза для протеза, заместителя «внешних» когнитивных инструментов, например, пытаюсь вспомнить о встречах, записанных в потерянной записной книжке. Мозг или один из его отделов является функционально эквивалентным предмету, который вполне непротиворечиво можно классифицировать как инструмент.

Согласно дискурсивной психологии ментальное можно по большей части истолковать как символические операции, являющиеся одновременно интенциональными и нормативными. Модели, построенные «инженерами знания», являются аналогами когнитивных процессов. Пишутся программы, которые, будучи запущенными на вычислительной машине, вызывают такие состояния машины, что оператор может истолковать их в качестве ответов на когнитивные задачи. Успешные проекты такого типа могут послужить психологии двояко. Программы могут быть использованы в качестве источников гипотез о формальных грамматиках постановки задач, доступа к правилам и, в общем, эксплицитной активности. Это применение вытекает естественно из задачи разработки программы для имитации некоторой части человеческой деятельности. Необходимым шагом является написание списка предполагаемых правил, следование которым приведет к требуемому результату, состоянию машины, которое можно прочесть как «ответ» на вопрос, преобразованный изначальным состоянием машины.

Принимая метафору инструмента / задачи в качестве основы для научной психологии, будет целесообразно интерпретировать нейронные механизмы в качестве инструментов для решения ментальных задач. Успешные проекты в области искусственного интеллекта могут быть также использованы в этом проекте когнитивной науки в качестве источника схематических репрезентаций материальных свойств инструментов, применяемых в проектах, цели которых определяются с помощью дискурса. Так как многие из этих инструментов являются материальными системами, обнаруживаемыми на различных уровнях в мозге, модели искусственного интеллекта могут в неко-

торых случаях служить источником важных и, возможно, проверяемых гипотез о строении мозга и его функциях.

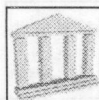
Диспозиции, силы, умения, способности и их материальная основа

Люди обладают определенной силой для правильного решения задач, они также обладают различными способностями. В каждом случае общей чертой всех данных атрибутов, описываемой в дискурсах П-грамматики, является обусловленность проявления таким образом описанного свойства. Так, для каждой из сил, умений, способностей и т.д., для выражения условного компонента атрибута мы можем предложить диспозициональную формулировку в терминах «если...то...».

Эта формулировка описывает только минимальный смысл данных терминов, так как каждый из них обладает дальнейшими следствиями. Например, демонстрация сил субъекта не является просто обусловленным определенным положением дел, но сама личность является активным источником поведения. Из «Джим может (обладает достаточной силой) перепрыгнуть эту ограду» следует, что если Джим захочет, то он перепрыгнет ограду. Но он должен этого захотеть. Если он прыгает, то это является его действием, а не следствием какой-либо внешней причины.

Когнитивные способности, силы и умения основываются на состояниях мозга, его структурах и процессах. Здесь мы обнаруживаем еще один способ связи П-грамматики с О- и М-грамматиками. Например, когнитивные умения описываются в терминах, происходящих из П-грамматики. Именно личности принимают взвешенные решения, подсчитывают счета и т.д. Эти способности основываются на постоянных невральных состояниях и структурах дендритов в мозге. Когда мозг повреждается, то это влияет и на когнитивные способности, они могут быть даже утрачены.

Несмотря на очевидную истину, что нахождение мозга в определенном состоянии является необходимым условием для когнитивной деятельности, нужно быть очень осторожными в предположении, что это является и достаточным условием. Должны также присутствовать все остальные условия, такие как присутствие других людей и их активная коммуникация с предпринимающим мыслительную операцию субъектом. Но нужно быть также весьма осмотрительным в интерпретации исследований потери когнитивных способностей в результате травмы мозга. Можно подумать об очевидности того, что если в результате травмы определенной части мозга невозможным становится

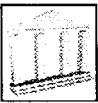
выполнение того или иного психологического действия, то, если это действие выполняется, значит, раздел мозга невредим. Если разывается велосипедная цепь, то на нем больше нельзя ездить, но сама цепь не может произвести движение. Минутное размышление подскажет нам то, что повреждение, сводящее на нет правильное выполнение действия, может затрагивать только один фрагмент механизма и, вполне вероятно, не самую его важную часть.

Диспозиционально-обосновывающая цепочка и связь инструмент-задача, сплетенные в процедурах решения задач, основаны на нейробиологических механизмах, являющихся, как следствие, подходящими инструментами или частями этих инструментов.

ТЕЗИС О ТАКСОНОМИЧЕСКОЙ ПЕРВИЧНОСТИ

Этот тезис выражает в общих терминах классификационную методику, с помощью которой невральные состояния, структуры и процессы описываются в качестве подходящей основы для когнитивных процессов. Используя «Тезис о таксономической первичности», для решения задачи можно выбрать подходящие инструменты из всех доступных материальных объектов. Например, молекулярная основа памяти может быть определена, только если она подбирается в связи с актами вспоминания, которые совершают люди, чьи состояния и процессы в мозге подвергаются исследованию. Точно так же мы можем определить определенные фрагменты человеческого мозга как пораженные патологиями, если у нас есть способ определения отклоняющейся от нормы речи или поведения. До того момента, как мы сможем определять, что люди испытывают трудности с подыскиванием слов, мы не можем определить клубок поврежденных атеросклерозом тканей в качестве патологии, соответствующей болезни Альцгеймера, или повреждение иммунной системы в качестве патологии, соответствующей синдрому хронической усталости.

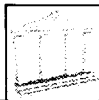
В целом критерий тождества для состояний, процессов и структур П-дискурса «таксономически доминирует» над критерием тождества для невральных состояний и процессов, соответствующих физиологии, т.е. М-дискурсу. Только благодаря наблюдению за происходящими когнитивными процессами внимание направляется на соответствующие им невральные состояния и процессы. Это и есть «Тезис о таксономической первичности». Его следствием является придание концептуального, неэмпирического качества необходимости отношению между ментальными состояниями и процессами и соответствующими состояниями и процессами в мозге. Если бы отношение было эмпирическим, то каждую из его «сторон» можно было бы рассматри-

вать по отдельности, вне зависимости от другой. Впоследствии исследование может показать корреляцию между ними. В медицине существует множество примеров открытий такого типа. Например, мы определяем питье кофе согласно одному критерию, и мы определяем болезнь Паркинсона согласно другому, весьма отличающемуся классу критериев. Эти классы критериев логически не имеют между собой ничего общего. Исследование же устанавливает сильную корреляцию между питьем кофе и низким процентом развития болезни Паркинсона. Однако, если мы используем позитронную эмиссионную томографию для сканирования разделов мозга читающего субъекта, критерий определения этих разделов включает в себя критерий знания о том, что субъект читает. То, что эти разделы являются частями «машины для чтения», есть вопрос логики.

Существуют способы, которыми такие таксономические отношения, раз установленные, защищены от внешних воздействий. Наиболее важным способом является их центральная роль в формировании эмпирических исследовательских проектов в нейронауке. Вот как это работает: предположим, мы проводим эксперимент над субъектом, например, при помощи позитронной эмиссионной томографии, в то время как субъект выполняет какое-либо когнитивное задание, например, вычисление. Тезис таксономической первичности позволяет нам определять то, что показала томография, как невральный процесс, соответствующий вычислению. Представим себе, что мы повторяем эксперимент над тем же самым субъектом в другой раз и в результате томографии обнаруживаем иной невральный процесс. Отбросим ли мы тезис? Нет. Мы сохраним его при помощи гипотезы о том, что существуют до сих пор не обнаруженные невральные процессы, общие для обоих случаев, и мы примемся за их поиск. Дело выглядит несколько иначе, если мы повторяем эксперимент над другим пациентом и получаем иной результат. В этом случае мы разделим всех людей на две группы, для каждой из которых сохраняется тезис о таксономической первичности. Например, открытие того, что мужчины и женщины читают при помощи различных отделов мозга, не опровергает тезис. Проблема решается просто при помощи разделения людей на две группы по полсвому признаку и по отношению к навыку чтения, определяемому в рамках П-дискурса⁴. Таким образом, у нас получатся читатели-женщины и читатели-мужчины как две П-дискурсивные категории, каждая из которых обладает своим собственным, отличным от другого механизмом в мозге.

⁴ Этот вопрос стал мне гораздо понятнее благодаря дискуссии с Кевинном Байнфуртом.

П-, О- и М-грамматики могут быть объединены при помощи трех метафор: инструмента и задачи, умений и их основы и классификации сверху вниз

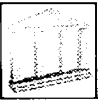
ПСИХОЛОГИЯ КАК ГИБРИДНАЯ НАУКА

Рассмотрев три способа, которыми П-, О- и М-грамматики могут быть встроены в содержательную концептуальную систему, предназначенную служить основанием для науки, обратимся к тому типу науки, которую они делают возможной.

Так как занятия психологией являются частью человеческой деятельности, то к ней должны применяться те же схемы, что и к любой другой человеческой деятельности, реализующей продуманные сюжетные линии. Если психология является кластером нарративов, то какими будут соответствующие грамматики? Описание собственной профессиональной деятельности в терминах О- и М-грамматик будет непозволительным для большинства психологов. Только описанный при помощи П-грамматики успешный исследовательский проект может завоевать доверие, так как только в рамках схемы, согласно которой понятие «персоны» является базовой активной единицей, имеет место для понятия ответственности и, следовательно, для понятия доверия.

В некотором смысле существует только один поток деятельности. Описанный в П-грамматике, он обнаруживает такие явления, как «эмоции», «установки», «воспоминания», «единицы знания», «проявление ловкости» и т.д. Используя метафору потока, мы можем думать об этих явлениях как о водоворотах, воронках, пене и волнах в постоянном потоке, иссушает который только смерть мозга действующего субъекта. Некоторые из них краткосрочны, в то время как другие – длительны.

В разработке эмпирической науки начинают с определения типов объектов, которые предполагается изучать. Таким образом, наука начинает с рудиментарных схем классификации, имеющих вид иерархий по типу. В процессе возмужания науки они развиваются самыми разнообразными способами. Так как они выражают типы объектов, которые исследует наука, то с философской точки зрения мы можем называть их «онтологиями». Следование этому предписанию приведет к созданию наиболее фундаментальной иерархии по типу, выражающей когнитивные ограничения, которые мы должны принять при любом рассмотрении этой науки. Эти ограничения эволюционируют, но, как и дно каменистой реки у Витгенштейна, только медленно.

БАЗОВЫЕ ЕДИНИЦЫ

Первое указание для построения онтологии для эмпирической науки: *ищите источники активности*. Они будут базовыми или фундаментальными и наиболее сильными единицами онтологии.

Кажется, что базовая иерархия по типам, развившаяся в психологии в ходе Второй когнитивной революции, делится на две части, одна из которых материальная, а другая – дискурсивная.

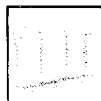
Первая часть состоит из агентов, вызывающих материальные процессы вовне и внутри организмов. Активные базовые единицы – кластеры молекул самого разного типа. В этой части мы имеем тип дискурса, организованный грамматиками организма и молекул. Способ действия М-сущностей каузально определен и детерминистичен.

Вторая часть состоит из агентов, которым мы приписываем способности к достижению целей, и нашими базовыми активными единицами являются преимущественно целые организмы. Для этой части у нас есть О-грамматика или грамматика организма. Способ действия О-сущностей телеологичен, в смысле, тонко описанном Аристотелем.

Третья часть состоит из агентов, производящих дискурсивные шаблоны в деятельности человеческих существ, как поодиночке, так и в группах. Активные базовые единицы – это человеческие существа как интенциональные агенты, персоны. Для этой части у нас есть П- или персональная грамматика. Способ действия П-сущностей интенционален, при помощи значений и правил.

Каждая грамматика предполагает подходящий ей тип активного бытия: персоны, организмы и молекулы

В качестве единичных источников деятельности и телесных центров полей восприятия люди являются центром дискурсивной активности. Однако, согласно данной онтологии, рассматриваемые по отношению к дискурсивной активности люди не обладают *сложноставной психологией*. Они производят сложные приватные и публичные интенциональные и постоянно изменяющиеся и развивающиеся структуры дискурсивных актов. Те из них, что являются приватными, мы привыкли называть ментальным, мыслями и чувствами, но *qua* интенциональных актов они не отличаются от публичных актов, за исключением тех случаев, когда другой субъект, участвующий в интеракции, своим пониманием дополняет акт. В случае приватных актов это производится самим субъектом. Мы точно так же производим свои сознания вместе с другими, как вступаем в общение, играем в теннис, выступаем с оркестром, копаем каналы и т. д.

Согласно точке зрения, описанной в данной статье, не существует никаких спрятанных механизмов в П-области. Программа научного реализма не может быть выполнена при помощи постулирования недоступного ощущения царства ментальных механизмов, как это сделал Фрейд, введя понятие бессознательного *сознания*. Научный реализм в психологии достижим при помощи использования метафоры задачи / инструмента в предложении невральных механизмов как инструментов среди прочих, которые люди используют для выполнения своих задач, описываемых в рамках П-грамматики. Работа (но не роли этих инструментов) описывается и объясняется в терминах О- и М-грамматик. Однако М- и О-области тесно переплетены между собой, и О-процессы обычно рассматриваются при помощи обращения к гипотезам о внутренних молекулярных процессах. Так как, по крайней мере, некоторые из М-процессов являются в принципе доступными наблюдению, объяснение в терминах внутреннего механизма зачастую ведет к исследовательским программам, пытающимся выяснить правдоподобность рабочей модели тех механизмов, на которых основывается сама гипотеза.

Ни одна из ветвей этой дуалистичной онтологии не может подчинить себе другую. Человеческие существа в молекулярной онтологии являются машинами, не обладающими моральными характеристиками. Мозг в онтологии персон является инструментом для выполнения задач, устанавливаемых дискурсивно.

В качестве последнего примера, иллюстрирующего глубину идеи психологии как гибридной науки, объединенной тремя связанными между собой метафорами, я хотел бы привести использование коммуникации как одной из различных интенционалистских моделей для анализа психологической активности. Наиболее обширная разработка аналогии между коммуникативными актами и другими видами действия проведена в соответствии с принципами Второй когнитивной революции (Harre and Parrot, 1998). Эмоции, проявляемые публично или чувствуемые приватно, являются схожими с дискурсивными актами в том, что они выражают суждения (judgments) и установки. Проявление страха или чувствование страха выражает суждение о том, что некоторое положение дел опасно или несет в себе угрозу. Источниками выражения эмоций и чувствований в качестве когнитивных актов не всегда являются осознаваемые модели рассуждения. Мы не думаем: «Все быки опасны. Это бык. Следовательно, это опасно». Мы просто испытываем вспышку страха, когда понимаем, что существо большого

размера, находящееся рядом с нами, бьющее копытом по земле, является быком. Большая часть выражений эмоций происходит либо потому, что существует естественная установка к этой реакции, либо потому, что люди в рамках определенной культуры приучены к ней. Смысл заключается в том, что происхождение тенденции к выражению или чувствованию эмоций не раскрывает в полной мере их социальной функции как интенциональных и нормативных актов. Например, публичное проявление страха выражает суждение о том, что нечто опасно, вне зависимости от того, является ли чувствование этой эмоции или ее выражение в данных обстоятельствах результатом обучения либо врожденной и жестко закрепленной дарвиновской моделью поведения. Демонстрация замешательства проявляет суждение о том, что что-то не в порядке, неправильно и т.д. Эмоции появляются вне зависимости от того, хотим мы этого или нет, подобно верованиям, когда мы не решаем, хотим мы верить или нет. Поэтому они отличаются от вербальных выражений суждений, которые мы обычно принимаем как обдуманные, но не обязательно по многу раз. В общем случае, для вопросов о происхождении чего-либо, М-грамматики будет достаточно. В то время как для вопросов о функциях – дискурсивный стиль П-грамматики будет в большинстве случаев правильным выбором.

Тремя основными грамматиками, использующимися для описания и объяснения действий людей, являются персональная, или П-грамматика, организмическая, или О-грамматика, и молекулярная, или М-грамматика. Эти названия обращают наше внимание на базовые элементы, характеризующие каждый из способов исследования потока человеческой деятельности: персоны, организмы и молекулы. П-грамматика включает в себя отношение правил / значения как организующий принцип анализа потока деятельности П-типа. О-грамматика включает в себя базовую телеологию, которую можно как связывать с познавательными процедурами, так и не связывать с ними. М-грамматика включает в себя отношение причины / следствия в качестве организующего принципа анализа потока деятельности.

Как могут существовать три грамматики, каждая из которых описывает один и тот же поток действия? И если существуют три грамматики, то согласно какому критерию можно заключить, что поток действия, к которому они применяются, является одним и тем же? Это именно так, потому что каждая обладает своим особым критерием для отбора элементарных объектов из непрерывного потока дейст-

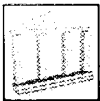

вия. В качестве описываемого и анализируемого в соответствии с принципом причины–следствия поток действия состоит из материальных событий, объясняемых в терминах работы невральных и прочих механизмов. В качестве описываемого и анализируемого в соответствии с принципом правил–значения поток действия состоит из интенциональных актов, объясняемых в терминах проекций и правил. В общем случае не существует одно-однозначного отображения событий, выбираемых М-разбивкой потока на действия, выбираемые П-разбивкой. Но существует жесткая связь между тем, что люди делают, и тем, какие механизмы они используют для этих действий.

С точки зрения дискурсивной психологии, психология должна быть направлена на изучение потока действий. Иерархия метафор и соответствующих им моделей применяется к потоку действий и только к нему. Основная метафора П-грамматики – «нарратив». Люди понимаются как проживающие сюжеты и рассказывающие истории, связанные с теми сюжетами, которые они проживают. Среди более частных метафор наиболее важной является, на мой взгляд, та, которая приравнивает поток действий и взаимодействий к коммуникации. Более общая метафора жизни как нарратива и более частная – жизни как коммуникации будет иллюстрирована на примере известных исследовательских программ. Отчасти, использование только такого рода примеров призвано проиллюстрировать различие между применением к ним М-грамматики, с ее предпочтением каузальных отношений, и более естественной П-грамматикой, с ее предпочтением значений и правил в качестве объяснительных понятий.

Так как именно люди производят поток действия, как поодиночке, так и совместно, публично и приватно, есть дополнительный, но не менее важный тип исследования. Он призван отвечать на вопросы о том, что должны знать люди, и какими умениями они должны обладать для того, чтобы принимать участие в интенциональных и нормативных действиях. То, какими должны быть люди для того, чтобы жить полноценной жизнью, не может быть втиснуто в одну грамматику больше, чем в те события, в которых они принимают участие.

В отличие от классической физики, где однотипная иерархия вмещает в себя онтологию всех объектов, находящихся в ее области исследования, и для которой требуется только одна полная грамматика, психология является несводимо гибридной. Человеческие существа репрезентируются миру и друг другу в трех ипостасях: в качестве персон, организмов и сложносоставных кластеров молекул. Нельзя

обойтись без каждой из грамматик, основывающихся на этих онтологиях, и ни одна из них не может быть расширена настолько, чтобы включить остальные без противоречий. Необходимость всех трех становится ясной, если рассмотреть различные области психологического исследования.

В итоге стоит отметить, что М-грамматика, использующая рабочую модель мозга-как-компьютера для механизмов, при помощи которых люди создают и управляют своим поведением, склоняется к индивидуализму. Невральные инструменты являются частью индивидов. П-грамматика, использующая рабочую модель персон-в-коммуникации, склоняется к коллективизму. Коммуникация является коллективной или совместной деятельностью. О-грамматика нейтральна по отношению к этому вопросу. В персональной, или П-грамматике, каждый человек представлен как уникальный и индивидуальный источник деятельности, агент, но способы действия субъекта ограничены коллективами, к которым он принадлежит, и его позицией в них. В молекулярной, или М-грамматике, и организмической, или О-грамматике, каждый человек представлен как организм, функциональные характеристики которого являются нейрофизиологическими, т.е. молекулярными.

По большей части явления, которые интересуют психологов, есть атрибуты потока совместного действия, производимого людьми в процессе ориентированной на какие-либо цели деятельности, включая деятельность по определению этих целей. При выборе методологии исследования прежде всего должен учитываться именно этот факт. К несчастью, в попытке уподобиться физикам психологи стараются создать инструменты, измеряющие предполагаемые когнитивные и аффективные состояния. Но, к счастью, *помимо своего желания*, те инструменты, на которых они остановили свой выбор – вопросник и шкала оценок, – являются инструментами только в метафорическом смысле и могут быть использованы именно для того типа исследования, который принимает нормативный, дискурсивный подход!

ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОЛЛЕКТИВИЗМ

Тот факт, что некоторые когнитивные процессы являются одновременно публичными и совместно производимыми более чем одним

субъектом обычно в процессе коммуникации, поднимает вопрос о том, какого рода коллективы способны к познанию (cognition). Существуют два основных типа групп, являющихся референтами психологического дискурса. Это структурированные коллективы, наподобие семей и прочих институтов, являющихся самостоятельными группами, связанными реальными отношениями, такими как коммуникация. Затем это таксономические или чисто номинальные коллективы, логические конструкции, связанные друг с другом общими свойствами. Такие группы настолько редко связаны реальными отношениями, что мы можем отбросить эту возможность. Очевидно, что только структурированные коллективы могут быть источником группового познания. Мы обнаруживаем совместные публичные когнитивные процессы в истории семейств, исследовательских групп, спортивных команд и т.д. Только к ним применим П-грамматический анализ в терминах правил и интенциональных действий.

Персоны с необходимостью материальны, так как обладание телом является необходимым условием для персонального тождества. Существует только одна субстанция. Но персоны и продукты их символической активности, материально воплощаемые в звуках и знаках, составляют сети, связываемые интенциональными и нормативными отношениями, в то время как кластеры молекул связаны каузально. Существует только одна субстанция, но она является основой для двух нередуцируемых друг к другу типов отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.
2. Parrott W.G., Harre R. The Emotions. London: Sage, 1998.
3. Polanyi M. The Tacit Dimension. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1966.
4. Shweder R. Thinking Through Cultures. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.

Перевод с английского А. А. Веребенникова